

M. FURLAN. *PRISPEVKI K SLOVENSKI IN SLOVANSKI ETIMOLOGIJI*.

Zbirka Linguistica et philologica 32. Urednica zbirke Andreja Legan Ravnikar.
Založba ZRC. Ljubljana, 2016. 208 str.¹

В новую книгу М. Фурлан, посвященную проблемам словенской и славянской этимологии, вошли работы последних двух лет – 2014 и 2015 гг. Книга написана в форме этимологических этюдов, распределенных по трем разделам: 1. Словенская диалектная и литературная лексика, 2. Другая славянская лексика, 3. Из теории этимологических исследований. К книге приложено 9 карт, список источников и литературы, список сокращений, словоуказатель и предметный указатель.

В первом разделе 9 этюдов, каждый из которых представляет собой развернутое обоснование версии автора о происхождении трудного в этимологическом отношении словенского диалектизма. В составе изучаемых слов находим апеллятивы *seber*, *očal/oča* и *oče/oče*, *mel/mjel/njel/gnjel* ‘вид хрasta’, *durla* ‘самка сони’, словен. и хорв. *kuzla* ‘canis femina’, словен.-каринт. *koka* ‘змея’, *mirodilnica* ‘аптекарский магазин’, гидр. *Dragonja*, истр. *Boškarin* и *boškarin*. В центре внимания М. Фурлан этимологизация словенской лексики. Автор опирается на лексический материал, почерпнутый из разных словенских источников, включая старые словари, отражающие состояние словенской лексики в XIX вв., и диалектные словари разного времени – старые словари и словари, опубликованные в самое последнее время, полевые записи известных диалектологов (ср. на с. 64 записи Т. Логара), материалы «Словенского лингвистического атласа» и т.п. Сведения о значении и форме слова приводятся в разной форме: списком с указанием автора и источника (ср. *kuzla* и родственные образования, с. 91-92), в виде извлечений из тех фрагментов словаря, которые имеют отношение к исследуемому слову (ср. для *koka* обзор по отдельности словарей Шашеля, Гутеманна, Мурко, Карничара и т.д., с. 101-102), в виде обзора данных, предоставляемых диалектными словарями (ср. *koka* в каринтийских и других диалектах, с. 102 и след.). Для некоторых слов приведены отрывки из журналов/газет в качестве подтверждения первой письменной фиксации слова и его значения (ср. *mirodilnica* на с. 54, 55), карты с заливом *Largom/Largon* 1525, 1540 гг. (с. 45, 46) служат подтверждением старого названия реки и залива, известного в современном языке как *Dragonja*. Благодаря такому широкому охвату материала отчетливо предстает география слова на словенской территории и смежной с ней областях, что в ряде случаев очень важно для выявления исконного ареала того или иного слова, направления миграции слова. За каждым этюдом стоит большая поисковая работа, требующая сведения воедино, обоснования тождества фонетически различающихся диалектных вариантов, зафиксированных в разных частях словенской территории. Очень показателен в этом отношении большой, интересный и трудный для анализа материал, приведенный автором в статье на *mel/mjel/njel/gnjel* ‘вид

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 15-04-00072 «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы».

храста, *Quercus*’ (с. 59 и след.). При определении тождества слова, представленного в разных вариантах, автор не просто констатирует возможность того или иного преобразования, но и дает подробное обоснование этим процессам, опираясь на живые явления в системе словенских диалектов (ср. на с. 79, 83 обоснование возможности перехода *dl* > *rl* в словенских диалектах). Большой фактический материал, сведенный воедино, дает исчерпывающее представление о функционировании слова в диалектах. И это обстоятельство придает особую ценность исследованию М. Фурлан.

При этимологизации слова автор опирается на опыт своих предшественников и в первую очередь на идеи словенских ученых. Она подробно знакомит читателя с историей изучения слова, прослеживает развитие взглядов на то или иное явление в словенской науке, в специально выделенных подразделах в сжатой форме сообщаются этимологические версии разных ученых (см. на с. 19-21 объяснения *oča* и *oče* в трудах Миклошича, Шумана, Штрекеля, Облака, Рамовша, Риглера, Станкевича).

Этюд объединяет единство подхода, общность методических приемов при анализе слова. Словенское и славянское слово рассматривается на широком фоне, детальную разработку получает структура слова с опорой на акцентологию, языковые процессы, начиная с и.-е. эпохи. При этимологизации автор исходит из жесткой привязанности структуры слова к той или иной модели словообразовательных отношений, именно представленная в языке модель отношений диктует направление структурных связей в языке, значение словообразовательного форманта.

Первый раздел открывается этюдом (с. 11-16), посвященном словен. затолм. *'siebər* < **sębrь* экспр. ‘бедняк’. Подробно анализируя по разным источникам внутреннюю историю слова, характер междиалектных связей, развитие семантики исходного **sębrь* в словенских диалектах, литературном языке и на территории соседних языков – хорватского и сербского, автор приходит к выводу о том, что затолм. *'siebər* является единственным продолжением на словенской территории праслав. **sębrь* в значении ‘земледелец’. Этот социальный термин, первонач. означавший равноправного члена сельской общины, а позднее в небольшой части ю.-слав. территории в эпоху феодализма свободного крестьянина (ср. др.-рус. *сѣбрь* ‘сосед, член одной общины’, ст.-серб. *sebrь* ‘plebejus’, хорв. *sebar*=*szebar* ‘rufticus’), рано утратил нейтральное значение ‘земледелец’ и стал обозначать человека низшего сословия и далее неотесанного, грубого, бедного человека. Автор разграничивает разные формы этого слова: словен. литерат. *sēber* является хорв.-серб. заимствованием первой половины XIX вв. лексемы, которая в средние века обозначала представителя низшего бесправного сословия, но свободного; источником лексемы *sreber* ‘крестьянин’ с вторичным *r* в словаре Плетьершника стал словарь Хабдेलича, который отражает кайкавское наречие.

В работе предлагается новое объяснение формы словен. сущ. *oča/oča* и *oče/oče*, которые традиционно, исходя из идеи Рамовша, объясняются из формы зв.п.: именно форма род.-вин. *oča* от **otьsь* вызвала появление *a*-основы *oča*, *oča*, *oči* ..., которая позднее под влиянием личных имен м.р. типа *Črne*, род.п. *Črneti* оформилась в *oče*, род.п. *očeta*. Объяснение автора в формальном плане близко к предположению Штрекеля и Станкевича о развитии *oča* из производного с суф. *-ja*. На основе некоторых,

малоизвестных диалектных данных (макед. диал. 'ок'а 'отчим', словен. диал. *ôta*, *wôče* 'старый отец', 'отчим') обосновывается новое понимание формы: устар. *oča/oča* < *ot'а 'отец' и современ. *oče* < *ot'e 'сын отца, наследовавший имущество (отца)' изначально связаны с изменением статуса хозяина имущества: в связи с переходом имущества к сыну меняются ролями отец и сын – сын становится хозяином, а у отца роль хозяина остается в прошлом. Со ссылкой на макед. 'ок'а ~ ст.-ирл. *aite* 'отчим' < 'тот, кто заменяет отца', т.е. становится обозначением ненастоящего отца, высказывается предположение о том, что праслав. *ot'а могло обозначать как кровного отца, так и отчима. По мысли автора, отношение образований *ot'e и *ot'а пришло на смену *otъ 'pater' → *otъсь / *ot'а *'patris', т.е. этимологически слова *otъсь и *ot'а обозначали сына отца и были изначально функционально тождественны. Из всего сказанного следует, что праслав. диал. *ot'а (~ ст.-ирл. *aite*) относится к и.-е. лексическим диалектизмам, сохранившимся лишь в части ю.-слав. диалектов. Значение принадлежности, свойственное, по мысли автора, праслав. *otъсь, вытекает из сравнения с греч. 'Αττικός с суф. -ικος (< прилаг. *aitt-ikó-s), новая форма с первонач. значением *'patris' вошла в состав производных с суф. -ъсь (со слав. переходом *k > c*). Однако следует заметить, что на славянской почве этому суффиксу не было свойственно значение принадлежности (Ślawski. Zarys 1: 99-101).

Предметом большого обстоятельного исследования стало словен. и хорв. *kúzla* 'canis femina'. Подробно освещается функционирование слова, впервые отмеченного в словаре Кастельца-Воренца (1680-1710), в литературном языке *kúzla* функционирует как зооним 'самка собаки' и как ругательство – обозначение гулящей женщины, ср. *kúzla stara* (SSKJ II, 535) и т.д. Автором отклоняется распространенная версия о звукоподражательной природе слова и предлагается принципиально новый подход к объяснению словен. *kuzla*. Словен. и хорв. *kuzla* 'самка собаки' и словен. диал. *kúza* с тем же значением, польск. диал. *kuza* 'старая, плохая корова' определяются как производные от нигде не засвидетельствованного гл. *kūz(a)ti* 'сосать', который включается в восстанавливаемое автором этимологическое гнездо с корнем **kuz-/kyz-* 'sugere'. С развитием и усилением экспрессивности, как полагает автор, происходит развитие **kūz-/kŷz-* > **cuz-/cyz-* 'sugere', что не могло не привести к ослаблению родственных связей. Значение развивалось в следующем направлении: отглагольное производное первоначально имело значение 'сосок', затем по принципу *pars pro toto* название переходит на млекопитающее животное, вскармливающее детеныша, а именно собаку-самку (ср. *kūzъla – словен., хорв.), корову (*kuza – польск.), кобылу (*kuzъla – польск., *kuza – блр., *kuza – блр., польск.). Признавая объяснение М. Фурлан интересным, оригинальным и имеющим право на существование, мы все-таки полагаем, что больше преимуществ у традиционного объяснения из звукоподражания. Предлагаемые автором структурные и фонетические преобразования основы теоретически допустимы, но все построение в целом носит несколько искусственный характер. Не во всем корректны приводимые автором примеры в подтверждение предполагаемой взаимосвязи значений 'сосать' > 'сосок' > 'кормящее животное' > 'самка собаки'. Так на с. 94 автор пишет о том, что приведенное выше словен. *kuzla* 'самка собаки' сложилось по той же модели, что чеш. *dojka* 'дойная корова', укр. *дойка* 'сосок у коровы', рус. *дойка* 'доение' ← *dojiti 'сосать'. Строго говоря, семантика этих образований апеллирует не к исходному значению и.-е. **dhē(i)-* 'сосать', 'кормить грудью', а к вторичному, производному значению гл. *dojiti '(руками) доить, извлекать

молоко из вымени (о корове)’, развившемся уже в праславянскую эпоху. Среди разнородных и разновременных названий собаки, имеющих разное распространение и разную временную глубину, отсутствуют названия самки собаки по глаголу со значением ‘сосать’, т.е. как животного, вскармливающего детеныша. Реконструкция гл. **kuzati* с первонач. значением ‘сосать’ скорее отражает современные представления о том, что можно считать главным у млекопитающего – вскармливание детенышей. Слово-междометие **kuz-/ *kuz-*, которым подзывали разных животных, оформляется как обозначение не только самки собаки, но и коровы, кобылы, а в русских диалектах с межд. *кызь, кызьа-кызьа* ‘слово, которым отгоняют коз’ (смол., курск.) соотносится *кызь* ‘коза (в языке детей)’ (ворон.) (СРНГ 16: 200), *кузенók* ‘поросенок’ (дон.), *кузёнок* ‘ягненок’ (СРНГ 16: 23). Вариативность и соотношенность с разными денотатами является одним из показателей звукоподражательной природы названия. Важно отметить еще одну особенность. С ослаблением связи с междометием диал. **kuzla* обретает статус экспрессивно окрашенного апеллатива и на равных с другими обозначениями собаки (ср. **pъsъ, *suka*) наделяется характеристиками, свойственным этому животному в мифологии. Это название начинает употребляться как ругательство и в матерной брани и служит средством защиты от нечистой силы. По поверьям собаки способны чуют нечистую силу, с помощью собак распознавались колдуны, по собакам гадали на святках и т.п., собачий лай отгоняет демонов и т.п. (Успенский 1994: 91-92; СД 5: 93-95).

В книге впервые предметом этимологизации стало словен. диал. *durla* ‘самка сони’ (< **dudla*). Как и в случае со словен. и хорв. *kuzla*, представляется не совсем убедительным истолкование этого слова как *nomen instrumenti* **dūdъla*, первонач. ‘сосок’, от гл. *dūda-ti*, которому приписывается значение ‘сосать’. С учетом семантики, повтора *d* в силе остается традиционная версия происхождения **dudati* от древней ономотопеи **duda* (ср. ЭССЯ 5: 149, 147; SP 5: 75).

Результатом подробного анализа фонетических процессов стало предположение о том, что соответствием ю.-слав. дендрониму **mъd’elъ/*mъd’elъ* ‘вид хрasta’, восстанавливаемому на основе ст.-серб. (*u*) *m’gjelъ* и (*meždu*) *m’gjelovik’* и болг. диал. *mažděl, mъžděl* ‘*Quercus pubescens*’, является словен. диал. *mel/mjel/njel/gnjel* ‘вид хрasta, *Quercus*’. Однако трудно согласиться с признанием родства с **med’a* ‘межа, граница’ и соответственно с допущением редукции гласного в этой основе *e:ъ/ъ*.

В статье, посвященной продолжениям слав. **kuka* < и.-е. **kou-k-* ‘изгибать, искривлять; согнутое’, приведены интересные данные, а именно словен. каринт. *kôka* ‘змея’, резьян. *kûka* ‘воображаемое существо, которым пугают детей’, которые вместе с рус. диал. *ку́ка* ‘леший, живущий в бане’, полесск. *ку́ка* ‘нечто страшное, обитающее в темноте, чем пугают детей’, ст.-польск. и кашуб. *kuka* ‘злой дух’ и лит. *kaukas* ‘домовой, дух, гном’ (см. ЭССЯ 13: 87) отражают одно из направлений в семантическом развитии исходной основы в славянских и балтийских языках: ‘кривая, согнутая палка’ > ‘то, что напоминает извивающегося змея’ > ‘пугало’. И эта линия развития понятна в контексте этнолингвистических данных. В словаре «Славянских древностей» описаны поверья, в которых змея уподобляется палке: «... по житомирским поверьям, приняв в лесу лежащую на земле палку за змею. Ее берегли и втыкали в поле, чтобы и птицы ее боялись»; «Сербь обходили поле, держа в руках палку, которой накануне Юрьева дня убили змею, а потом

эту палку в качестве пугала втыкали там же на поле». Все это позволяет с большей уверенностью говорить о семантическом архаизме, общем для славянских и балтийских языков (СД 4: 348).

В составе славянского словаря автор выделяет синонимичную к *ušb группу образований с соответствиями в балтийских языках: хорв. *švenāc/švenāk*, болг. *švénec* ~ лит. *siuvenā* 'коровья вошь' < и.-е. **sjūc-en-* 'sutor', ср. еще польск. *szwon* 'sartor'. Автор предлагает новое понимание словообразовательных отношений: балт.-слав. наименование производно не от глагольной основы **sjūca-/e-*, как это принято в литературе, а от сущ. **sjūca-* 'sutura' с метафорическим переносом наименования на насекомое. Архаичный остаток такого *nomen agentis* в тематизированном варианте сохранился в польск. диал. *szwon* < **s'ūcenz* ~ лит. с *a*-основой *siūvena/siuvenā*.

Названные статьи дополнены этюдами, в которых освещается история трех словенских слов. Документально, на богатом материале, с привлечением старых карт прослеживается история гидр. *Dragonja/Dracogna*, опосредованно связанного со старым наименованием *Argaone* (VII в.), которое трансформировалось в морской терминологии в *Largom, Largon, Laron, Largone* (< **L'Argone*) и по народной этимологии сблизилось с *dragone* 'змея', с преобразованием конца слова по типу *vigna* ('территория, где растет виноград') происходит венец. *Dracogna* 'территория = река змей'.

Со ссылками на словари, художественную литературу, газетные и журнальные тексты восстанавливается история слова *mirodilnica* 'аптекарский магазин'. По наблюдениям автора, это слово впервые отмечено в письменных источниках в 1885 г. и поначалу обозначало магазин, специализирующийся на продаже колониальных товаров (приправы, пряности, кофе и т.п.). Слово имеет структуру гибридного образования: корневая часть *mirod-* из хорватского языка (ср. хорв. *mirodarnica/mirodijarnica, mirodijar*) *miròdija/miròdija* < нов.-греч. *μυρώδια* 'приятный запах'), в целом слово оформлено по словенской модели образований на *-ilnica*.

Автор приводит интересный материал на слово *boškarin*, изначально название особой породы быка, которой славилась Истрия. История слова предстает как результат сложного переплетения, взаимовлияния заимствованных форм, в конечном итоге восходящих к древнему романскому субстрату.

Во второй части работы в широкой и.-е. ретроспективе рассматриваются лексемы, отражающие чередование основ **pur-* и **pur-* в системе праславянского языка. Продолжения основы **pur-*, по данным автора, представлены преимущественно в ю.-слав. языках, в дополнение можно привести рус. диал. *пурі́на*, отмеченное в качестве обозначения народного обычая: ворон. *жечь пурі́ну* 'греть ноги покойника' (СРНГ 33: 136; Фасмер III: 409). Автором обосновывается принадлежность этих основ к гетероклитическому типу основ с исходным и.-е. **róH₂ur-* / **péH₂un-* 'огонь', ср. хетт. *pahhur*, г. *pahhuenāš* (с. 128). Важно подчеркнуть еще одну особенность, вытекающую из сопоставления с хетт. лексемой: это слово принадлежало к пассивному классу имен и противостояло другому обозначению огня *igni (др.-инд. *agni-*, лат. *ignis*, слав. *ognь) по признаку активности-пассивности денотата и первонач. обозначало специальную обработку зерен (зерен ячменя) на огне (см. Гамкрелидзе-Иванов II: 699₂).

В заключительной части работы автор затрагивает в самом общем плане вопрос о том, как изменения несистемного характера в языке влияют на выводы об исходной форме и производящей основе. Изменения, выходящие за рамки неких закономерностей, определяемых автором как непредсказуемые или непредвиденные, проявляются в языке не только на уровне фонетики, но, что особенно важно, и на уровне словообразования и семантики. Размышления на эту тему можно найти и в других работах автора (ср. Фурлан 2015: 363–333). В этой части книги в качестве иллюстрации приводятся примеры из недавних публикаций автора. Так обозревая семантику гл. **p̥sati*, автор выделяет случаи употребления глагола в значении, близком к исходному ‘скрести, царапать’: словен. *podpisati* ‘podorati’, укр. *nucati* рядки ‘обозначать борозды при сеянии’, кашуб. *p'iskac* ‘мелко пахать’ (с. 139). Автор полагает, что значение, которое можно признать основным, доминирующим в гнезде, как правило, характерно для образований, построенных по активным моделям. Однако в приведенных автором примерах речь идет не столько об отступлении от основной линии развития семантики, сколько о сохранении семантических архаизмов в гнезде с и.-е. корнем **peik-* ‘царапать, скрести’. Именно отступления от основной линии, то, что остается за пределами основной семантики, является важнейшим внутренним резервом при реконструкции первоначального значения и направлений семантических преобразований (подробнее см. Бенвенист 1974: 331–349). Семантика развивается индивидуально, и развитие значения слова зависит от многих факторов. Со ссылками на работы Я. Влаич-Попович, М. Якубович автор называет один из таких факторов – принадлежность слова к той или иной лексико-семантической группе. Существует много других факторов: включенность слова в определенные парадигматические ряды, взаимное притяжение и взаимодействие фонетически близких слов и т.д. Эта большая тема требует многопланового изучения.

Автор отмечает, что перестройка формы, вызванная фонетическими изменениями, сопровождается угасанием старых отношений и встраиванием новой формы в активно действующие словообразовательные модели. Это положение раскрывается на примере сопоставления ю.-слав. **letō* ‘отверстие в пне для вылета пчел’ (ср. хорв. *lèto* = чак. *letō* = серб. *lèto* = макед. *leto*) и праслав. **letuō* с тем же значением (ср. блр. диал. *лѣтвō* ‘леток’). В ЭССЯ (14: 50) эти лексемы включаются в разные словообразовательные ряды: **letō* толкуется как бессуффиксное производное от **letēti*, а **letvo* – как производное с суф. -vo от того же глагола. По мнению автора, славянским языкам неизвестны производные ср.р. от глагольных основ с полной ступенью корневого вокализма. Автор включает все приведенные лексемы в тип образований на -uō, т.е. **let-uō*, от гл. **lesti*, *letešb* ‘volare’, от которого рус. прич. *летучий*, а это означает, что в ю.-слав. **letō* произошло изменение несистемного характера – делабиализация **-tuo* > **-to*, что и привело к расщеплению исходной формы на варианты с разными ареальными характеристиками.

Как результат развития на основе нерегулярных изменений рассматриваются словен. диал. *náloka*, термин мельничного производства ← *lálōka* ‘челюсть’, праслав. диал. **osk̥rba* ← **osk̥rda* ‘maleus’. Подробное обоснование этих процессов дано автором в специальном исследовании, опубликованном в 2012 г. (Furlan 2012: 78–87).

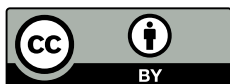
Исследование М. Фурлан, богатое материалом, интересными идеями, обогащает наши знания о славянском лексиконе, расширяет пространство исследования, стимулирует

интерес к поставленным проблемам и побуждает к новым поискам. Автора отличает свой подход, свой взгляд на этимологию. В самом общем виде особенности методики Фурлан можно определить как органичное сочетание традиционных методики работы в этимологии, характерной для словенской этимологической школы, сформировавшейся в трудах Ф. Рамовша, Ф. Безлая, с достижениями, идеями сравнительно-исторического языкознания и этимологической науки последнего времени. В исследованиях М. Фурлан получают отражение накопленный наукой опыт в изучении языковых процессов в их развитии от и.-е. и праславянского состояния, новая материальная база, введенная в науку благодаря активной работе над диалектными словарями, «Словенским лингвистическим атласом» и «Общеславянским лингвистическим атласом». Исследование М.Фурлан пополнит библиотеку по славянской этимологии и, несомненно, привлечет к себе внимание научной общественности.

ЛИТЕРАТУРА

- Furlan 2012 – Furlan M. Proto-Slavic **laloka* and **oskъrda* in Slovenian dialect mill terminology: Deviation of the phonemic composition of a lexeme. *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*. Ed. By I. Janyšková and H. Karliková. Praha, 2012, p. 78-87.
- SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika T. I-V. Ljubljana, 1970-1991.
- Sławski F. Zarys – Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. *Słownik prasłowiański*. T. 1. Pod redakcją F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974, s. 43-141.
- SP – Słownik prasłowiański. Pod redakcją F. Sławskiego. Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich T. I-VIII-. 1974-2001-.
- Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Семантические проблемы реконструкции. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974, с. 331-349.
- Гамкрелидзе, Иванов – Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейски язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I-II. Тбилиси, 1984.
- СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н.И. Толстого. Т. 1-5. М.: Международные отношения, 1995-2012.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-47-. Под редакцией Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. Л.-СПб.: Наука, 1965-2016-.
- Успенский 1994 – Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. Избранные труды. Т. 2. М., 1994, с. 53-128.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I-IV. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987.
- Фурлан 2015 – Фурлан М. Индоевропейский корень **H₂emg^h* - 'вязать' в славянских языках. Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. IV. *Этимология*. М., 2015, с. 333-363.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1-40-. Отв. ред. О.Н. Трубачев, д.ф.н. А.Ф. Журавлев, д.ф.н. Ж.Ж. Варбот. М.: Наука, 1974-2015-.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Языки и диалекты: блр. – белорусский, ворон. – воронежский, дон. – донской, др.-инд. – древнеиндийский, др.-рус. – древнерусский, затолм. – затолминский, и.-е. – индоевропейский, каринт. – каринтийский, кашуб. – кашубский, курск. – курский, лат. – латинский, макед. – македонский, лит. – литовский, лтш. – латышский, полесск. – полесский, польск. – польский, праслав. – праславянский, резьян. – резьянский, рус. – русский, серб. – сербский, слав. – славянский, словен. – словенский, смол. – смоленский, ст.-ирл. – староирландский, ст.-серб. – старосербский, укр. – украинский, хетт. – хеттский, хорв. – хорватский, чак. – чакавский, ю.-слав. – южнославянский.

Другие сокращения: гл. – глагол, диал. – диалектный, зв.п. – звательный падеж, литерат. – литературный, межд. – междометие, м.р. – мужской род, первонач. – первоначальный, род.-вин. – родительный-винительный, современ. – современный, сущ. – существительное, суф. – суффикс, устар. – устарелое.

Л.В. Куркина

Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
lyukurkina@rambler.ru